

Семен Шпунгин

Бат-Ям, Израиль

ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА (ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКА ДАУГАВПИЛССКОГО ГЕТТО)

Я никогда не решался писать воспоминания о гетто, да и сейчас едва могу подступить к этому¹. Хотелось бы изложить невероятную историю моего побега. Но без того, что ему предшествовало, трудно передать случившееся глубокой осенью 1943 г. И потому я не могу не коснуться событий, которые не оставляют меня с тех пор, как германские войска вошли в Даугавпилс.

Город пал на пятый день войны. Население восприняло перемену по-разному: кто с нескрываемой радостью, кто с беспокойством. Немецкая администрация еще не успела обосноваться, а местная полиция возникла, как из-под земли. Зачисленные в нее добровольцы расхаживали с винтовками и зелеными повязками на рукаве, а некоторые вырядились в давно припрятанную форму айзсаргов². Полиция, впрочем, не очень заботилась о наведении порядка. Часть жителей, не таясь, грабила магазины, стоявшие с разбитыми витринами. На Рижской улице, одной из немногих уцелевших в центре, я видел людей, несущих всякую утварь и продукты питания в корзинах, кошелках и даже в охапках.

Вскоре афишные тумбы, заборы и стены домов были обклеены приказами префекта³ на немецком и латышском языках. Они относились только к евреям. И первый из них строжайше обязывал мужчин до 60 лет собраться в назначенное время на базарной площади. Другой приказ повелевал немедленно пришить желтые звезды к одежде — на груди, спине, а также на брючине. Нам запрещалось ходить по тротуарам, посещать какие-либо общественные места.

Тех, кто рискнул прийти на базарную площадь, погнали в тюрьму, где над ними несколько дней издевались. Потом большинство расстреляли в железнодорожном садике. Полицейские все чаще врываются в еврейские дома, забирали ценности, уводили людей или убивали их во дворах. На городских окраинах возникли массовые могилы.

В семье нас было четверо. Мой отец, Илья Шпунгин, владел самой известной фотостудией в городе, на улице Райниса. Мы имели фруктовый сад; во дворе водилась пернатая живность. Маму мою звали Яхной, или по-домашнему — Ялей. Она занималась хозяйством. Мне в начале войны было двенадцать лет, а моей сестре Рахели — Розочке — семь. Она еще не ходила в школу.

В каменном мешке

Все рухнуло. Дом наш сгорел от зажигательной бомбы. Нас приютила бабушка Хава, жившая в мансарде по Аллейной улице. Но там задержаться пришлось ненадолго. В июле 1941 г. всем евреям было предписано переселиться в гетто. Когда мы наняли повозку и начали грузить в нее самые необходимые вещи, объявился нежданный надсмотрщик — один из соседей, казавшийся всегда тихим и

покладистым. Он проверял каждый тюк и бойко указывал, что можно вывезти из квартиры и чего нельзя.

Гетто, находившееся на левобережье Даугавы, было в своем роде уникальным. Евреев заточили в предместные укрепления с наружными окнами — бойницами. Каменный мешок, совершенно не приспособленный для жилья, представлял собой длинное двухэтажное строение с крепостными стенами. Оно растянулось дугой на несколько сотен метров и примыкало к реке. С внутренней стороны к нему прилегала дорога, ограждаемая высоким валом. На нем была площадь со сторожевыми будками. Подниматься туда запрещалось под страхом расстрела.

Женщин с детьми сразу отделили от мужчин. Так что папа оказался оторванным от нас — мамы, бабушки, меня и Розочки. Мы попали в палату № 24 — глубокою нишу без дверей, как и все прочие помещения. Теснота была невероятная. Спали вплотную друг к другу на деревянном настиле. Отовсюду слышались потрескивающие звуки: обитатели палаты давили вшей. Перед моими глазами — старушка, не снимавшая с себя черное пальто. Но выглядело оно почти белым от кишасих на нем насекомых.

За нехваткой мест, сотни семей расположились со своим скарбом на склоне вала под открытым небом. В гетто скопилось более 20 тыс. человек — евреев Даугавпилса, его близких и далеких окрестностей, а также беженцев из Литвы. Скудность, невозможность соблюдения простейших требований санитарии грозили со дня на день вызвать эпидемии.

Но прошли две-три недели, и многие вздохнули с облегчением. Всех, кому за шестьдесят пять, известили, что их переводят «во второй лагерь», где условия будут гораздо лучше. Несколько тысяч пожилых людей, включая мою бабушку Хаву, доверчиво сели в грузовики и отбыли под охраной в неизвестном направлении. Вскоре мы узнали, что телами этих стариков заполнились рвы возле дачного поселка Межциемс (Погулянка). Это была первая и самая «тихая» акция в нашем гетто.

За нею последовали другие. Но больше никто уже не поддавался обману. Все понимали, что означает «второй лагерь». Людей теперь выстраивали в колонну, и начиналась так называемая селекция. Ее проводили чины из полиции безопасности (*Sicherheitspolizei*) — со значками СС на петлицах. Им помогали полицейские и участники расстрельной команды в форме латвийской армии. Однажды во время селекции охваченная паникой девушка перебежала из одной группы в другую. Увидев это, один из карателей пытался ее найти, но упустил из виду. Тогда он извлек из колонны первых попавшихся — маму, меня и сестру. Не знаю, каким образом я сумел оттащить своих назад и как нам удалось незаметно раствориться в толпе.

Мужчин и женщин по утрам уводили в город на работу: они обслуживали различные учреждения и воинские части. Пока это сохраняло жизнь каждому из них и его семье. Однако, уходя, многие прощались со своими близкими, не зная, встретятся ли они вновь. В гетто функционировали «юденрат»⁴, собственная «полиция», больница и даже детский сад. Но все это подобие быта сочеталось с лагерными порядками, всевозможными запретами и наказаниями.

Помимо массовых экзекуций, устраивались и показательные. В них обычно участвовал местный палач Совер из *Sicherheitspolizei*. Именно он накинул петлю на шею женщины по фамилии Гительсон, которая посмела появиться в городе без опознавательных желтых звезд. Такой же публичной казни и за такое же

«преступление» подверглась молоденькая девушка-блондинка. А женщину Хаю Мейерову расстреляли на виду у всех за попытку утаить буханку хлеба при возвращении с работы².

Экзекуция по праздникам

Самые кровавые акции в гетто совпадали с советскими праздниками. Поздним вечером накануне 7 ноября 1941 г. охранники вывели всех во двор, долго чего-то ждали, а потом отпустили. Но уже на рассвете прибыли гестаповцы, и началась привычная сортировка. Первыми по списку были вызваны и поставлены отдельно семьи ремесленников, обслуживавших непосредственно *Sicherheitspolizei*. В сторону отвели также членов «юденрата». Составлялись еще какие-то группы. Из работающих отбирали только мужчин и погнали их в город через массивные ворота. Всех остальных, тысячи людей, выстроили на валу.

Я прижался к маме, за руку ее ухватилась Розочка. Было предчувствие, скорее даже уверенность, что нас повезут в Межциемс — и никакой надежды на спасение. А когда находившаяся перед нами расстрельная команда вскинула винтовки, мне показалось, что расправа уже происходит здесь на месте. Нет на моей памяти минут страшнее, чем эти. В помутненном мозгу билась одна и та же мысль: я не хочу умереть!.. Я прожил на свете всего двенадцать лет... Едва услышу на латышском команду «Огонь!», сразу упаду и притворюсь мертвым... Только бы успеть... Только бы успеть...

А выстрелов не было. Вероятно, убийцы пока лишь упражнялись. Мною овладел безумный порыв — сбежать или скатиться кубарем с вала, чтобы внизу укрыться где-нибудь в каменных казематах. Я уже ступил было на откос, но оглянулся на всякий случай... И поняв, что меня не могли не заметить, юркнул обратно в притихшие ряды. В это же самое время внутри гетто шел повальный обыск. Полицейские рыскали по палатам, ворошили и простреливали тюки с вещами, постели, взбирались на чердаки, заглядывали во все темные закоулки.

Но где моя мама?! Я отчаянно искал ее, проталкиваясь между стоящими, кричал, звал по имени, но она не отзывалась. Мама! Мамочка! Полная тишина. Все молчат. Все застыли в оцепенении, ни на что не обращая внимания. Внезапно раздается команда:

— Медицинский персонал! Врачи, все медицинские работники с семьями — пять шагов вперед!

Человек шестьдесят, может быть, восемьдесят быстро отделяются и образуют небольшой обособленный ряд. Ноги понесли меня вместе с ними. Но что теперь делать? Надо к кому-нибудь пристроиться. К кому?! Кто согласится выдать меня за сына? Я кидаюсь то к одному, то к другому, то к третьему, но каждый отворачивается от меня, отгоняет. Никто не хочет рисковать. Я уже почти обошел весь ряд, не обнаружив ни одного знакомого, как вдруг в самом конце увидел мадам Магид — нашего семейного зубного врача. Она, стоя со своей дочкой, моей сверстницей, тоже меня заметила и поманила к себе:

— Сюда, Сема. Сюда! Я скажу, что оба вы мои дети...

Так и было. С проверкой нам повезло. И теперь мы стоим и беспомощно смотрим, как длинную-длинную колонну уводят на расстрел. Увы, такая же судьба постигла впоследствии и мою спасительницу, и ее дочь.

Войдя в опустевшую палату, я как помешанный бросился к узлу с нашими вещами. Вот место, еще хранящее тепло моей мамы, а рядом — насыженный уго-

лок моей маленькой сестры. Я воображал их лица, голоса, и никак не мог осознать, что их нет и больше уже никогда не будет. Скорее всего, в те минуты они еще были живы, еще находились в пути... Не передать того, что творилось в гетто, когда мужчины, среди которых был и мой папа, вернулись с работы и не нашли своих жен и детей. Люди рвали на себе волосы, рыдали во весь голос. Их крики, наверное, были слышны на противоположном берегу Даугавы. Кое-кто все же сумел спрятаться и переждать акцию. Я видел, как вытаскивали из выгребной ямы человека, погрузившегося по горло в испражнения. Он еле дышал, на него невозможно было смотреть.

Через некоторое время в гетто объявили карантин. Сюда никого не пускали, отсюда не выпускали. Тех, кого гоняли в город, расселили по месту работы. Теперь я остался взаперти, без папы. А вскоре меня положили в больницу с брюшным тифом. Врачи, однако, скрывали диагноз под видом воспаления легких. Голод был невыносимый. Раввин, лежавший на соседней койке, рассказывал, как во сне ему «посчастливилось» съесть буханку хлеба! Нам давали его по 125 граммов в день, да еще раза два суп из гнилой капусты. Понемногу выздоравливая, я только и мечтал, как бы выбраться отсюда. Мой папа тогда был занят на черных работах в военной комендатуре железнодорожной станции *Dünaburg* (немецкое название Даугавпилса). Ему удалось упросить кого-то из начальства, чтобы и меня затребовали в то же ведомство. Так с отменой карантина я оказался в городе.

Минуло еще несколько месяцев. Последний день гетто наступил 1 мая 1942 г. Его ликвидировали с особой жестокостью. Убили всех без разбора. Спаслись каким-то чудом лишь два или три узника. В тот же самый день сняли охрану. Следы учиненной бойни долго не убирались. Кто приходил сюда, содрогался от увиденного. Я перечитываю скудные строки из моих давних показаний, включенных в материалы Нюрнбергского процесса: «Трудно описать трагедию 1 мая 1942 г. Гетто представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь... 30 человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе гетто».

Наверное, и сегодня, в начале XXI в., кое-кто все еще задается вопросом: почему жертвы Холокоста безропотно шли на заклание? Вопрос не новый. Так может рассуждать вполне нормальный человек, который не был, слава Богу, на нашем месте. Сотни исторических, психологических и религиозных исследований написаны на эту тему. Если говорить конкретно о Даугавпилсе, то в отличие, например, от огромного Варшавского гетто, у нас не было ни налаженных связей с внешним миром, ни оружия, ни боевых организаций. Мы находились в условиях замкнутой территории оборонительного сооружения. Не герои — обыкновенные люди, сломленные и ввергнутые в отчаяние, не способны были помышлять о каком-либо восстании. Рядом со своими близкими все ощущали себя заложниками.

«Крепостные» евреи

После ликвидации гетто в живых осталось всего около четырехсот евреев. Это те, кого ранее «казернировали»⁶ — переселили из гетто в город непосредственно по месту работы. А теперь эту горсточку евреев, разбросанных по разным точкам, снова собрали, но уже в городской крепости, или цитадели. Она располагалась на правом берегу Даугавы, почти напротив предместных укреплений, где раньше находилось гетто. В крепости были расквартированы воинские час-

ти. Нами распоряжалось подразделение тыла с длинным названием *Heeresunterkunftsverwaltung 3227*. Сюда с восточного фронта поступали вагоны с ношеным обмундированием. Мы выгружали, сортировали и чинили эту одежду. В портянковой мастерской, наряду с евреями, работали и вольные жители Даугавпилса. Возглавляли все это хозяйство обер-цалмайстер⁸ Лукенвальд и затем сменивший его Попе в том же чине.

Обстановка, в которой мы находились, была вполне сносной и не шла ни в какое сравнение с прежней — в предместных укреплениях. Правда, в мастерских следовало всегда быть начеку. За работами присматривал веркмайстер⁹ Киевски, придиричивый чешский немец с наклонностями садиста. За малейшую «провинность» он избивал мужчин и женщин, валил наземь и нещадно пинал сапогами. Наше мини-гетто представляло собой общежитие с двухъярусными нарами. Его не охраняли. Только у главных ворот крепости стояли часовые, но это не мешало выходить в город под всякими предложениями.

Как ни странно, ситуация долго не менялась. Забегая вперед, необходимо сказать, что несколько сотен человек, переживших уничтожение в гетто, нацисты не трогали целых полтора года — вплоть до конца октября сорок третьего. Чем, какими соображениями это было вызвано, остается загадкой по сей день. О нас как бы «забыли». Даже несмотря на возмущение некоторых латышей, служивших в немецкой армии. Их семьи, утверждали они перед отправкой на фронт, в опасности, куда Даугавпилс полностью не очищен от евреев. Мы не обольщались затянувшейся передышкой. Понимали, что с нас не спускает глаз *Sicherheitspolizei* и что каждый день нашего пребывания в крепости может оказаться последним.

Не впору ли разбежаться, пока еще не поздно? Многим приходила в голову такая мысль, но было очевидно, что это наивная мечта. Куда идти? В какую сторону?

Меченый типичной внешностью и не менее типичным акцентом еврей далеко не уйдет. Кому не лень, укажет на него пальцем. Правда, немецкие и латышские газеты порой писали о партизанах. Но где они воюют, где скрываются, как набрести на них, никто из нас не имел представления¹⁰.

На исходе лета 1943 г. произошло ЧП. На первом этаже дома, где находилось наше общежитие, содержались военнопленные. Через зарешеченные окна с ними норовили пообщаться некоторые наши девушки. Кончилось тем, что три из них — Соня Презма, Сарра Зив и Соня Левина позволили себя уговорить «податься в партизаны». В ответ на их исчезновение немцы хотели взять в заложники и казнить каждого десятого еврея. Вышло иначе. Пленные, оказывается, были себе на уме и попросту обманули своих «подруг». Брошенные в лесу, они не знали, куда деваться, бродили несколько дней без еды и, не видя иного выхода, возвратились в крепость. Их тут же расстреляли.

Осенью все чаще и чаще до нас доходили слухи о предстоящем удалении евреев из крепости. Что это означало, никому не надо было объяснять. На явные признаки приближающейся развязки люди реагировали по-разному. Одни — равнодушно: будь что будет! Другие, решив не отдаваться живыми в руки палачей, обзаводились ядом. Были и такие, кто, припасая съестное, устраивал «малины»¹¹ в городских развалинах и заброшенных домах. А часть нашей молодежи сумела к тому времени раздобыть оружие с намерением все-таки добираться наудачу до партизан.

Беспокойство особенно возросло во второй половине октября 1943 г. Тревога витала в воздухе. По ночам молодежь выставляла «разведчиков», дабы в случае

чего всех разбудить, и тогда уж пусть каждый поступает по своему разумению. 28-го числа на рассвете я спросонья услышал крики:

— Евреи, вставайте!!! Скорее вставайте! Вставайте! За нами приехали!

Кто успел, спустился со второго этажа по деревянной лестнице. Но ее вскоре перекрыли, и люди прыгали из окон.

Еще до того, как полицейские приказали всем выйти во двор на построение, начались самоубийства. Доктор Гриша Гольдман принял цианистый калий и перерезал себе вены. Таким же способом покончила с собой и его сестра Сима. Один из наших, Шура Апешкин, повесился. Особый случай произошел с Бенци Шафиром. Он заранее условился с женой — расстаться с жизнью всей семьей. В то утро они поднялись на чердак, взяв с собой малолетнего сына и еще какую-то девушку по ее настоянию. Но Бенци сделал только три выстрела из пистолета, а четвертый, в самого себя, — не смог, рука не поднялась... Он спасся, пережил Катастрофу и, по слухам, после войны эмигрировал в Америку.

...В том, что 28 октября 1943 г. проводилась окончательная акция — в однозначном понимании нацистами этого слова — ни у кого не было даже тени сомнения. Однако действительные события никто не предвидел. Они стали полнейшей неожиданностью. Покинув крепость, колонна обреченно двинулась под конвоем в последний путь, но когда она прибыла на место, люди с удивлением увидели железнодорожный состав наготове. Всех затолкали в вагоны для скота и повезли, как потом оказалось, в Ригу. А там — концлагерь Кайзервальд¹², в дальнейшем — Штуттгоф на территории Польши, Бухенвальд в Германии и прочие лагеря, в жернова которых попали уцелевшие евреи Даугавпилса. Но это уже другая, отдельная история.

Папу моего не увели из крепости. Ему удалось с несколькими знакомыми выйти в город и укрыться в одной из «малин». По рассказам свидетелей, он горевал по мне, предполагая, что я погиб. Группа довольно долго отсиживалась в своем убежище, пока ее не обнаружили и не отправили вслед за остальными евреями в Ригу. Больше о папе я ничего не слышал.

Побег в никуда

О своем побеге со всеми его приключениями помню до мельчайших подробностей. Когда «разведчики» разбудили нас криками «Вставайте!», я мигом оделся и бросился с расстегнутыми пуговицами и незашнурованными ботинками к деревянной лестнице. По ней навстречу уже поднимался один из полицейских, но я каким-то образом увернулся от него и ринулся во двор. Я знал, что в соседнем пустующем доме окно на первом этаже не закрывалось изнутри, и залез в него, а затем выбрался на прилегающую улицу. Здесь уже находилось несколько парней, подходили другие. И когда кто-то предупредил, что нас окружает полиция, мы поспешили к ближайшим, западным воротам крепости. Но они были заперты. Нам пришлось карабкаться на крепостной вал и прыгать с наружной отвесной стены на дно защитного рва.

После удачного приземления мы первым делом спорили желтые звезды с одежды и выдернули остатки ниток. Потом все, кроме меня, разорвали на мелкие клочки немецкие «шайны»¹³ — картонные карточки красного цвета с указанием фамилии, даты рождения и т. д. Я почему-то сохранил свое свидетельство, только оторвал в нем уголок со словами «*der Jude*» (еврей). Эта ошибка могла стоить мне жизни. Я спохватился слишком поздно...

Парни постарше, имевшие при себе оружие, сочли меня и еще одного подростка, Носю Гельфанда, недостаточно взрослыми, чтобы уходить вместе с ними. Мне тогда было четырнадцать лет, а Носе — пятнадцать, может, даже чуть больше.

— Вы, мальчики, будете нам в тягость, — сказали нам напрямик. — Надо вам отделиться, ничего не поделаешь...

Оставшись вдвоем, мы стали думать-гадать, куда бы податься. Нося предложил — в Краславу, его родной город. Почему именно туда? Что нас там ожидает? А, впрочем, не все ли равно? В Краславу, так в Краславу — лишь бы скорее да подальше отсюда. Нам предстояло одолеть более сорока километров. Поначалу, чтобы не привлекать к себе внимания, вышли на берег Даугавы и продвигались вдоль нее вверх по течению. Но река то и дело кружила, к тому же приходилось огибать всякие преграды, что утомляло и занимало много времени. Поэтому решили, была не была, идти большаком. Желая отвести от себя подозрения полицейских и немцев, мы при встречах с ними притворно шутили, смеялись или, наоборот, принимались спорить о чем-то, даже ругаться. Я при этом старался говорить погромче, поскольку у меня не было выраженного еврейского акцента (дома у нас чаще разговаривали по-русски, чем на *идише).

Мы прошли уже больше двадцати пяти километров, когда увидели у дороги дом с почему-то открытыми настежь дверями. Нас потянуло посмотреть, что там, но, заглянув внутрь, мы отпрянули. На стене висел портрет Гитлера, а на вешалке — немецкая шинель. Отойдя подальше, мы начали обсуждать, стоит ли вообще продолжать путь в Краславу. Сомнения появились, во-первых, потому, что могли не успеть до наступления комендантского часа, а во-вторых, из опасения, что на подступах к городу расположены полицейские посты. И мы не придумали ничего лучше, как... вернуться в Даугавпилс, чтобы переночевать где-нибудь в развалинах, ну а дальше видно будет.

Вот и двинулись обратно тем же большаком. У меня возникла проблема: натерлись ноги. Да так сильно, что я ковылял, превозмогая боль, и плелся позади Носи, а он часто останавливался, поджидая меня. Попробовал разуться, но ходить босиком было совсем неважоту. На обеих ногах вздулись большие волдыри. С трудом удалось снова надеть ботинки.

Окраины Даугавписа мы достигли уже в сумерках. В районе, называемом Новое строение, было немало домов, сгоревших в начале войны. В одном из них отыскали ход в неглубокое подполье и, спустившись в него, наощупь нашли каменную плиту. Уселись, опираясь друг на друга. Нам очень хотелось спать. Но всю ночь, длившуюся бесконечно долго, мы дрожали от холода и сырости, зуб на зуб не попадал. Когда, наконец, настало утро, вышли, стряхивая гарь, на улицу. И опять перед нами встал вопрос: куда же теперь? Побрели к единственному пешеходному мосту через Даугаву. А там — проверка документов! Пошли, не оглядываясь. И с уже испытанной напускной веселостью благополучно миновали контроль. Никто нас не окликнул. Пронесло!

Второй день мы металась с места на места, меняли дороги, шли бесцельно, в никуда. Как и вчера, я, хромая на обе ноги, еле тащился за Носей. В двух-трех километрах от моста — поселок. Надеюсь утолить голод, стучимся в первый попавшийся дом. У женщины, которая открыла нам дверь, просим чем-нибудь накормить. В ответ на вопрос, кто мы такие, говорим наобум:

— Беженцы из России.

Эти слова, впервые произнесенные здесь, прочно прилипли ко мне отныне. Женщина дала по куску хлеба, сочувственно повздыхала и выпроводила нас.

Нося нервничает, теряет самообладание. Он не может простить себе, что вчера так и не дошел до Краславы, сдался, струсил вместе со мною. Чем больше он рассуждает об этом, тем сильнее становится его желание снова идти туда! Я отчаянно отговариваю его, но он не слушает меня. И тогда я прибегаю к последнему доводу:

— А как же мост? Разве ты уверен, что еще раз удастся его проскочить?

Наш спор прерывает оглушительный скрежет: по дороге проносится грузовик с солдатами. Непонятно почему, это вызывает оживление у моего товарища. Оказывается, машина — из крепости, с того склада, где Нося работал. Он убежден, что машина отправилась сейчас на погрузку и скоро поедет назад. А водят ее два шофера — немец или его сменщик, русский военнопленный. Если сегодня за рулем второй из них, то уж он наверняка поможет перебраться через мост... Такая «идея» появилась у Носи.

В течение следующего часа возник еще один план. Неподалеку от нас возвышалась железнодорожная колея, на которой стоял товарный поезд. А вдруг он пойдет на фронт?

— Давай заберемся в какой-нибудь вагон! — предлагаю я.

Нося не возражает. Но как только мы поднялись на насыпь, раздался окрик «*Halt!*»¹⁴, и мы едва успели ретироваться. В одном из дворов поселка видели стог соломы под навесом. Обоим хотелось в него зарыться, отдохнуть. Нас клонило ко сну.

Мы как раз пересекали дорогу, когда услышали скрежещущие звуки «нашего» грузовика. Вот он уже на виду, и Нося напряженно всматривается, кто там за ветровым стеклом. Грузовик неожиданно тормозит прямо перед нами. В кузове громоздится мебель, на ней — солдаты. А из кабины выскакивают два немца, один из которых, водитель, узнал Носю!

— Как вы, евреи, тут оказались? — орет он, — вы удрали!

Нося бросился, что было сил, бежать вперед, по ходу движения машины, я — назад... Вернее, я шел, бежать не мог, и, оборачиваясь, видел, как оба немца погнались за Носей и схватили его. Так он исчез навсегда...

А немцы кричали мне, приказывая немедленно вернуться. До них было метров сто. Куда деваться? Почти у самой дороги я вдруг обратил внимание на забор, чуть приподнятый над землей, и ползком протиснулся под ним в чей-то двор. Все это было на виду у немцев. Хотя они, возможно, не видели, где я притаился. Меня прикрывал редкий кустарник. Солдаты, спрыгнувшие с кузова, кинулись в мою сторону. Но в те считанные секунды, пока они приближались, я успел юркнуть в дощатую уборную, стоявшую во дворе напротив небольшого дома, и заперся в ней на крючок. Вспомнив, каким способом спасались некоторые узники гетто, я попытался пролезть в отверстие деревянного стульчака. Но ватные штаны не пускали меня (окажись я в выгребной яме, страшно подумать, что бы со мной было!)

А немцы уже рядом, слышны их голоса, откуда-то доносится длинный прерывистый свисток. Я боюсь шелохнуться. Меня ищут, спрашивают прохожих, но никто не догадывается заглянуть в уборную. Потом все стихает. Только скрежет удаляющегося грузовика оглашает окрестность. А я еще долго не смею двинуться с места, и когда решаюсь все же покинуть свое укрытие, нахожу другое:

залегаю в канаве, присыпав себя опавшими листьями. Лишь пару часов спустя я поднялся и пошел...

Ранняя ночь на исходе осени, вторая после побега из крепости, застала меня в перелеске. Я сидел на подстилке из хвороста, прислонясь к дереву. Меня, мало сказать, трясло — меня колотило от пронизывающего холода. Едва дотерпев до рассвета, я еще выждал, пока станет совсем светло, и только тогда вышел на новую незнакомую дорогу. Крестьянин, ехавший на телеге, попутно меня немного подвез. От него я узнал о близко пролегающей границе с Литвой.

Подозрительная смесь кровей

Мои скитания кончились у железнодорожной станции Курцумс. Я спросил человека, возвышегося возле дома по хозяйству, как пройти к литовской границе. Он указал на дорогу, поднимающуюся в гору, назвал ориентир — усадьбу старосты, объяснил, куда повернуть за нею. Затем спокойно, как бы вскользь обронил:

— А известно ли тебе, что, встретив чужого в наших краях, мы должны сообщить о нем?.. Партизаны появились...

Впрочем, мой собеседник выглядел незлобивым. Он даже вынес мне горбушку хлеба на прощание...

Что-то в пути заставило меня оглянуться назад. Я увидел немецких солдат на велосипедах с несущимися рядом собаками. Несмотря на чувство опасности, я все же надеялся, что это не погоня за мной. Да мало ли, зачем и куда они едут! Солдаты опередили меня, спешили и преградили дорогу, сдерживая на поводках собак. Я услышал одно только слово — «*Dokumente!*») Но оно прозвучало так неожиданно, что я, не успев опомниться, протянул припрятанный «шайн» — ту самую красную карточку из картона с оторванным уголком. И только теперь до меня дошло, что я наделал! Как это я не сообразил, насколько легко выяснить, кем и кому выдано свидетельство с отсутствующим словом «еврей». Тем более что в нем записана моя настоящая фамилия.

Меня доставили в расположение части, завели в квартиру, начали допрашивать. Изъяснялся я на ломаном немецком, как принято было среди населения в годы оккупации. Выдал себя за беженца, отставшего от поезда. Немец в чине фельдфебеля велел мне лечь на кушетку, схватил полено, лежавшее возле печки, и занес его над моей головой:

— Будешь говорить правду?!

Мелькнула мысль, что сейчас у меня единственный шанс попытаться исправить свою роковую оплошность. И я ответил:

— Скажу... Скажу всю правду, только не бейте...

А «правда» состояла в том, что предъявленное свидетельство якобы вовсе не мое, а чужое и найденное совершенно случайно. После короткого, поверхностного допроса составили протокол, который, должно быть, отражал обстоятельства моего задержания.

Штаб пограничных частей, куда меня отправили с конвоиром, располагался в городке Земгале неподалеку от Курцумса. Солдат дал мне вести его велосипед, а сам следовал позади. В любом случае, думал я, меня разоблачили бы даже и без такой улики, как «шайн». Сознывая полную безнадежность своего положения, я не мог с этим смириться. И мною овладел неудержимый порыв — бежать! Прямо сейчас! Теряя чувство реальности и контроль над собой, я лихорадочно выбирал момент... Мы шли по холмистой проселочной дороге. И когда оказались на

очередном пригорке, я нажал ногой на педаль велосипеда и уже собирался перебросить вторую ногу через седло, как в тот же миг немец вцепился в багажник. Он даже рассмеялся:

— Я бы тебя за двести метров достал! — И, щелкнув затвором, дальше повел меня уже под ружьем.

По дороге я вспомнил про мальчишеские сувениры в одном из моих карманов и незаметно избавился от красноармейской звездочки и зажима от пионерского галстука.

В штабе мне учинили основательный допрос с помощью переводчика. У меня, конечно, не было заготовленной легенды, кроме байки о беженце из России. Все придумывал на ходу. Вопросы задавал немецкий гауптман¹⁵, а я отвечал почти без запинок. Говорил, что взбрелет в голову. Счет шел на секунды. Фамилия? Островский. Имя? Иван. Постоянное местожительство? Город... Брянск. Национальность? Я едва справился с замешательством, но все же уверенно ответил: мать — русская, отец — татарин. Необходимое пояснение. Мне было известно, что татары являются мусульманами, а те делают мальчикам *обрезание. Но вот незадача: я в жизни не видел татар и понятия не имел об их внешности. Для того чтобы как-то «оправдать» свои черные волосы и брови, я добавил на допросе, что бабушка моя была... цыганкой. Совершенно не ведая о том, что и цыгане преследуются нацистами!

В итоге я представился Иваном Островским, жителем Брянска, сыном русской матери и отца-татарина, а также внуком цыганки. Такое мог наворотить разве что подросток в моем тогдашнем состоянии. Но нужно было еще и хорошо запомнить все то, что я о себе говорил и, значит, было зафиксировано в документах. Это обстоятельство еще сыграет со мною злую шутку...

Гауптман после допроса подошел ко мне и, хитро прищурившись, изрек:

— *Also hast du drei Blüten Gemisch? Aber sag mal die Wahrheit: bist du kein Icik?* (Так что же, у тебя смесь трех кровей? Но скажи-ка правду: ты не Ичик?)

Вскоре напугал меня другой случай. При штабе служили не только немцы, но и украинцы. Один из них обратился ко мне:

— Ты из Брянска, что ли?

Я подтвердил.

— Так твой земляк ищет тебя, — сказал он, — желает погугарить.

Мне только этого не хватало! Аж сердце оборвалось. Но тут меня позвали в медпункт перевязывать ноги. Со своим «земляком» я так и не встретился.

С вечера я находился под присмотром дежурного унтер-офицера в отдельной комнате. Сюда находили и другие немцы. Из разговоров я уловил, что утренним поездом меня отвезут в Даугавпилс и передадут в *Sicherheitspolizei*, т.е. в гестапо¹⁶. О том, что меня ожидало, не стоило гадать. Это — конец.

... Дежурный отпустил меня в туалет. В коридоре я кинулся к входной двери, а она — на замке. Как же так?! Еще недавно была открыта... Через какое-то время я опять симулировал расстройство желудка. Все повторилось в той же последовательности. Я и третий раз получил разрешение выйти. Но теперь, когда отчаянно рванул дверь, она отворилась, и я... уткнулся в дуло винтовки. Так немцы изволили «пошутить» надо мной. А унтер-офицер сказал своему сослуживцу, что я безусловно еврей, а евреи — все они очень хитрые!..

Дальше произошло нечто странное, непонятное. Оставшись со мной наедине, мой страж тихо произнес на... идише:

— *Iх вейс, ду бинст а клугер ингл* (я знаю, ты умный мальчик), — и отвернулся.

Слова эти навсегда врезались в мою память, и я по сей день теряюсь в догадках, что скрывалось за ними. Я также не знаю, сыграл ли тот унтер-офицер какую-либо роль в моей дальнейшей судьбе.

В гестапо —
под двумя фамилиями

Поезд отошел от станции Земгале еще затемно. Меня конвоировал рослый молодой солдат. Хотя в пути были недолго, поездка запомнилась тем, что солдат пресек мою попытку выпрыгнуть из вагона на ходу. В Даугавпилс прибыли рано утром. От вокзала шли по пустынной Рижской улице. А когда дошли до Аллейной, я пустился наутек! Солдат не мог догнать меня и кричал:

— *Ich schiese!* (Стреляю!)

Тогда я начал бежать зигзагом. Свернул с Аллейной улицы на улицу Саулес и еще успел пробежать до конца квартала, но два немецких офицера, шедших навстречу, бросились мне наперерез. После поимки солдат не отпускал мою руку, сжав ее как клещами.

Он доставил меня поначалу в СД¹⁷ — службу безопасности. Она размещалась в центре города, напротив сквера «Тарелочка». Здесь вскрыли конверт с сопроводительными документами. Эсэсовец, просматривавший бумаги, заметил, что в протоколе говорится о некоем «шайне», изъятом у задержанного. Где же он, указанный шайн?! Почему его не приложили?! Конвоир немедленно связался по телефону со своим штабом. Что ему там сказали, не знаю. Но «шайн» так и не нашелся! Невозможно объяснить, как немцы, с их педантичностью, допустили такое. Для меня это было неисполненным чудом. Одним из многих чудес, спасавших меня всякий раз, когда моя жизнь висела на волоске.

При чтении сопроводительных документов неоднократно упоминалась фамилия Орлов. То ли я не расслышал, о чем шла речь, то ли не понял, но я растерялся. Меня охватило беспокойство: неужели перепутал фамилию? Вроде бы я назвал себя Островским?.. Или... может быть, все-таки Орловым? Никак не мог вспомнить. Сбился с толку. Но, преодолев колебания, решил, что раз в протоколе значится Орлов, то это и есть «моя» фамилия. В действительности же она принадлежала человеку, который вчера угостил меня горбушкой хлеба и тотчас донес на меня немцам у железнодорожной станции Курцумс. Но об этом я узнал гораздо позднее. А тогда, находясь в СД, стал зубрить в уме: Орлов, Орлов, Орлов... Брянск, Брянск, Брянск... Орлов, Орлов...

До *Sicherheitspolizei*, куда вскоре повел меня конвоир, было минут пять ходьбы. У дверей стоял на посту эсэсовец, рядом — мужчина в кожаном пальто. Так я оказался лицом к лицу с Совером, тем самым, чье появление наводило страх на обитателей даугавпилсского гетто. Конвоир передал ему конверт и предупредил, что я несколько раз пытался бежать. Совер улыбнулся в ответ:

— *Haben Sie keine Angst, von unsere Haende kommt niemand weg!* (Не бойтесь, из наших рук никто не уходит!)

Внутри здания меня обыскали, вывернув все карманы. Потом завели в большую комнату и усадили среди многих пойманных беглецов-военнопленных. Они занимали длинные скамьи, расставленные вдоль стен. Любые разговоры пресекались окриком надзирателя: «Молчать!» Но когда он поворачивался спи-

ной, все же можно было шепотом переброситься отдельными словами. Сосед спросил меня:

— Откуда ты?

Я ответил, что из Брянска. Он:

— Знаю, бывал там не раз.

Я — с мольбой:

— Пожалуйста, расскажите мне хоть что-нибудь о Брянске!

Пленный взглянул на меня с удивлением и все понял. Ему удалось урывками сообщить мне, что Брянск стоит на Десне, что имеется там крупный вагоностроительный завод и что вокруг сплошные леса. С тех пор, признаться, я больше ничего не знаю об этом городе.

Водворяя меня в подвальную камеру, эсэсовцы записали с моих слов фамилию — Орлов. Мог ли я предположить, какая в связи с этим возникнет забавная ситуация! В *Sicherheitspolizei* как бы исчез задержанный. Согласно документам, сюда был доставлен Островский, но ни в одной камере он не числится. Зато в журнале учета заключенных фигурирует невесть откуда взявшийся Орлов. Надо мной в который раз нависла угроза разоблачения.

Я оказался вторым в крохотной камере. Меня подселили к некоему железнодорожнику по фамилии Лейманис, арестованному по поводу аварии поезда. Усевшись на койке, я поспешил снять с себя кожаный ремень, и булавкой нацарапал на нем два слова: Орлов и Брянск.

— Что ты там пишешь? — заинтересовался железнодорожник.

— Фамилию, — сказал я, — чтобы пометить свои вещи — ведь в тюрьму скоро отправят.

— Какая еще тебе тюрьма! Ты вылитый жид! Кокнут тебя, и все...

Через пару часов была проверка. Двое надзирателей сличили фамилии по журналу. Один из них просто так, для порядка, с размаху ударил меня кулаком по голове. Я не удержался на ногах. В тот же день меня почему-то перевели в карцер — сырое, крошечно-темное помещение, но потом столь же неожиданно возвратили на прежнее место, к Лейманису.

Как-то утром я услышал в подвале голоса. Вызывали:

— Островский! Островский!

Ко мне моментально вернулась память — это меня разыскивают! Когда фамилия прозвучала за нашей дверью, мой сокамерник откликнулся:

— Нет у нас такого!

Но я закричал:

— Есть! Есть! Я! Я Островский!

Железнодорожник аж рот открыл от недоумения...

И вот я снова на допросе. Мне приказывают снять шапку, надвинутую так, чтобы прикрыть «подозрительные» брови. Стараюсь вести себя непринужденно. Рассказываю «свою» биографию, обрастающую всякими подробностями. Мол, отец мой умер, когда я был ребенком, мать всегда работала прачкой, и в последние годы стирала белье «для немецкой зенитной батареи». Говорю и о том, как нас эвакуировали, и про поезд с беженцами, от которого я отстал где-то в этих краях. Лишь один вопрос поставил меня в тупик — адрес проживания в Брянске.

— У лесника Алехина! — выпалил я, не найдя лучшего ответа.

— Нет, адрес! Как называлась улица? Какой номер дома, квартиры? — допытывался человек в форме СС в присутствии другого чина полиции.

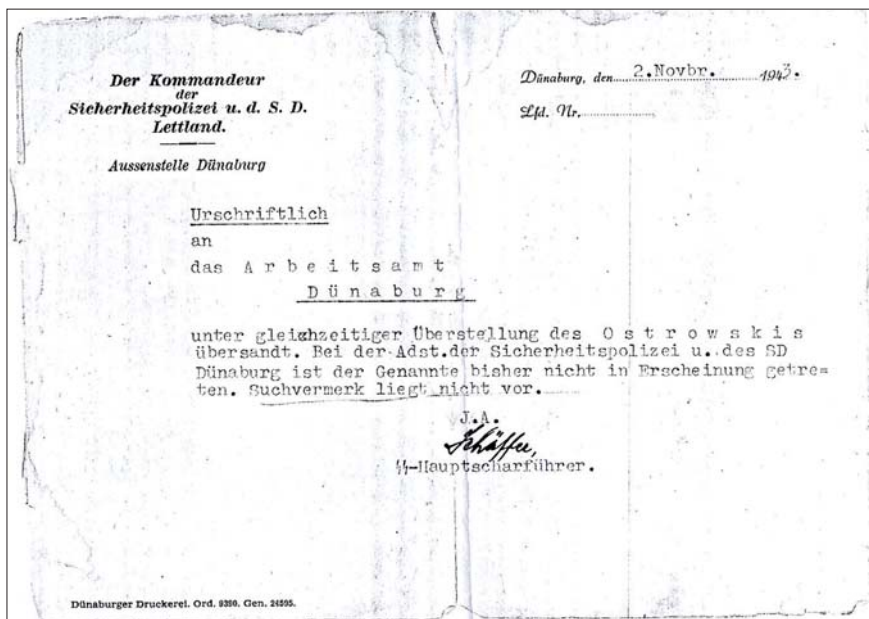
А я все твердил свое, прикидываясь не понимающим, чего от меня хотят, и даже стал описывать, как выглядит дом Алехина на опушке леса... Так и не добившись внятного ответа, следовательно оставил меня в покое и сел печатать что-то на машинке. Он отдал бумагу одному из эсэсовцев, а тот велел мне идти с ним. Мы вышли в город, на свежий воздух. Было пасмурно, прохладно...

Как долго я находился в *Sicherheitspolizei*? Представление о времени, проведенном в подвале, стерлось начисто. Но у меня сохранились документы (о чем речь еще впереди). И по ним я определил точные даты. Оказывается, мое пребывание в полиции безопасности длилось ровно двое суток. Всего-навсего...

Прибыв с эсэсовцем к месту назначения, я глазам своим не поверил. Мы переступили порог биржи труда (*Arbeitsamt*). Эсэсовец быстро уладил формальности и удалился.

В моих руках — официальное письмо от 2 ноября 1943 г. На бланке с надписью «*Der Kommandeur der Sicherheitspolizei u. d. S. D. Lettland*» (командир полиции безопасности и СД Латвии) напечатано несколько строк. Вот перевод с сохранением стиля: «Изначально — на биржу труда. Письмо направляется одновременно с препровождаемым Островским. Сведений о нем в Полиции безопасности и СД до сих пор не было. Розыск не предстоит. Подпись: гауптшарфюрер¹⁸ СС Шеффер».

Случилось невероятное. Документ неожиданно-негаданно легализовал мое положение! И какой парадокс: мне надо было попасть в гестапо, чтобы впервые обрести надежду остаться в живых! Без «помощи» гестапо я пропал бы. Судьба и впрямь неисповедима.

Направление из полиции безопасности на биржу труда, выданное Семену Шпунгину на имя Ивана Островского

Последние чудеса

На бирже труда мне был задан вопрос:

— Где ты хочешь работать — в городе или деревне?

Надо ли говорить, что я выбрал деревню.

— Тогда, может быть, поедешь на хутор к моему отцу? — спросил чиновник.

— Конечно поеду! Я согласен!

— В таком случае будем знакомы: моя фамилия Маскалан.

Чиновник созвонился с отцом и выписал направление от биржи труда (так у меня появился второй официальный документ!) Ночевал я в его квартире на улице Виестурас. А на следующий день он купил мне билет и проводил к поезду. На станции Ваболе меня ожидала подвода...

Маскалан-старший, владевший довольно большими угодьями, имел уже двух

работников и желал обзавестись еще одним. Но ему нужен был взрослый, крепкий мужчина. Поэтому он сразу уступил меня крестьянину Иерониму Лаздану из деревни Зелтеневка. В его хозяйстве я помогал кормить скот, чистить хлев, трепать лен, носил воду из колодца, топил печи, ездил в лес за хворостом.

Через месяц меня вызвали в полицейский участок Калупской волости, чтобы получить специальное удостоверение с пометкой «Только для военных беженцев с территорий СССР». И тут со мной произошел конфуз. Я не знал, что ответить на простой вопрос: к какой области относится Брянск? Сказал: «К Калининской» — лишь потому, что оттуда понаехало много беженцев. На мое счастье, в полиции не нашлось сведущих

Auftrag № 22729 Berufs-Gr.: 1
 Norikojums № _____ Aroda gr.: _____
 Firma / Herr / Frau Kalupes pag. valde kungam, kundzei
 Firma Kalupes
 Herr / Frau / Fel. Ostrovskis Semens kungam, kundzei, jkdzel
 wurde Ihnen zur Arbeitsaufnahme am 5.11.43
 uzdots ierasties pie Jums darba š. g.
 — Uhr als darbinotājs: izpildītājs zugewiesen.
 pikst. _____ par _____
Deugevils 5.11.43
 Ort u. Tag d. Zuweisung. — Notifizieren vieta un diens.
 Diese Zuweisung gilt bei Einstellung in Ihrem Betrieb als Zustimmung zur Beschäftigung
 Šis norikojums uzskatāms par nodarbināšanas atļauju Jūsu uzņēmumā.
Diese Karte ist vom Betriebsführer aufzubewahren.
Uzņēmuma vadītājam šī karte jāuzglabā.
 Das Arbeitsdepartement Leiter des Arbeitsamtes
 Darba departamenta _____ Darba pārvaldes priekšnieks
 Staatsdruckerei Riga, Hermann-Göring-Str. 6 379 43 2 A41. 3573 DD Riga Nr. 23

Pārvalde: Kalupes pag. valde
 atļaujas vieta: Kalupes pag. valde
 Nr. 1
J. Ostrovskis
 Kungam, kundzei
 Laut der Verordnung des Reichskommissars für das Ostland vom 15. August
 22. Dezember 1941, die die Erfassung und den Einbezug von Arbeitskräften
 1) ist jeder Bedarf von Arbeitskräften beim Arbeitsdepartement zuständige
 Arbeitsamt zu melden;
 2) sind Einstellungen und Entlassungen von Arbeitskräften im Bereich
 Zustimmung des Arbeitsamtes vorzunehmen.
 Saskaņā ar Austrumu apgabala Valsts Komisāra 1941. gada 15. augusta
 rīkojumiem, kas regulē darba spēka sagādi un izmantošanu
 1) katra darba spēka vajadzība pieteicama darba pārvaldei;
 2) darbinieku pieņemami un atļaujami tikai ar darba pārvaldes piekrišanu.
 partik. Kart. p.ž. - 1943.9.6.15
 Kalup. pag. valde
 1943.

Направление с биржи труда, выписанное Семену Шпунгину на имя Ивана Островского и адресованное старосте Калупской волости

2-14 g. Pārbauda J.Š. Valters

Gültig bis 9. Dezember 1944
Derzīg līdz 9. decembrim 1944

Nur für Kriegsbeschäftigte aus dem Gebiet der UdSSR
Vienīgi karabēgļiem no PSRS teritorijas

Name: **Ostrovskis**
 Familienname: **Ostrovskis**
 Vorname: **Janis**
 Unterschrift: **Janis**

Geburtsort: **1929 g. 2. 12.**
 Geburtsort: **Kalvīnas apg. Brianskas pils**
 Mēne: **PSRS**

Staatsangehörigkeit: **prosoņceļš**
 Pasaulesvaldība: **PSRS**
 Подданство: **prosoņceļš**

Residence: **no**
 Dzīvojamā vieta: **no**
 Сельское хозяйство: **no**

Generalbezirk Lettland
 Latvijas ģenerālapgabals
 Латвийский генеральный округ

**Ausweis
 Apliecība Nr. 3091**

Удостоверение

U. Dempravica
 (Unteroffizier des Reichswehr)
 (Анкетированный военный)
 (Войска владимирской области)

Daugavpils apg. Dobele
 I. iecirkņa priekšnieks
 (Beauftragter der Arbeitsbeschäftigten)
 (Инспектор трудовых ресурсов)
 (в военное учреждение, выданное военными)

Ресейский
 (Mitglied der Einsatzkommando)
 (Член военного подразделения)
 (Вместе с рабочими дана)

Kolberts 9. decembris 1943

*Arbeitskarte Kaluga provinsas valsts ar dabu pilsētu Nr. 1. 1943 g. 6. 12. A. Šmits - M. Karkalāns latviešu

*Staatsdruckerei Riga, Maschinen-Gesellschaft S. R. 1940 AG P. Kurland. 2-143

Удостоверение беженца на имя Ивана Островского, выданное Семену Шпунгину

в географии. Мне выдали удостоверение № 3091 с моими отпечатками пальцев, в котором так и записано на латышском языке: «место рождения — город Брянск Калининской области». Документ датирован 9 декабря 1943 г.

Мне пришлось сменить и второго хозяина. Из девяти месяцев моего существования под вымышленной фамилией я полгода провел в деревне Кейши у Андрея Мукана. Он да жена и дочь с маленьким ребенком — вся его семья, если не считать сына, служившего в дивизии ваффен-СС. Муканы были мною довольны. У них я прижился. Привык к тому, что звали меня то Иваном или Ваней, то на латышский манер — Янкой. Усердно занимаясь разными подсобными работами, я также старался примелькаться на людях, дабы никто не подумал, что я чего-то опасуюсь, отсиживаюсь на хуторе. Не избегал соседей, регистрировался в полиции, покупал продукты по карточкам и т. д.

Но не все проходило так уж гладко. Иногда меня охватывал страх. Не зная, что я понимаю латышский, хозяева говорили при мне о чем угодно. У них зарались подозрения, когда они слышали, что я во сне разговариваю «не по-русски». Значит, могло быть — только на идише! Теперь, ложась в постель, я боялся заснуть. А бывали иные случаи. Так, однажды наварили пива, пригласили гостей. Один из них, полицейский, долго присматривался ко мне, пока не выдержал:

— А ну-ка скажи «кукуруза!» — Гость отстал от меня лишь после того, как я ублажил его слух отчетливым произношением требуемого слова.

Быстро летели дни и месяцы. Наступила весна 1944 г. Я учился пахать землю, рыхлить ее бороной, сеять зерновые... А с приходом лета распространились

слухи о стремительном приближении фронта к границам Латвии. Я, затаив дыхание, прислушивался к разговорам о поражениях гитлеровских войск. Вдруг на мое имя прибыла повестка от волостного старосты. В ней сообщалось, что я мобилизован на рытье окопов в Даугавпилсе. 20 июня ровно в семь утра надлежало явиться к дому волостного правления, взяв с собой постельные принадлежности. За неявку, предупреждала повестка, «грозит наказание по законам военного времени».

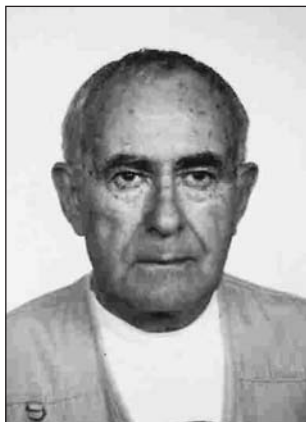
Казалось, рушились все надежды. В городе опасность подстерегала меня на каждом шагу.

— Раз есть приказ, Ваня, я не имею права держать тебя, — сказал хозяин...

Была у меня единственная зацепка — просить о помощи у Маскалана из биржи труда, пославшего меня работать к его отцу. Но я смекнул сперва пойти к врачу с жалобой на боль в руке. Он прописал мне какую-то мазь для втирания.

15-летний Семен Шпунгин после освобождения Даугавпилса. 1944 г.

Семен Шпунгин. 2002 г.

Прихватив рецепт, я отправился в Даугавпилс искать знакомого чиновника.

По пути на одной из главных улиц города увидел вывеску «GEBIETSKOMMISSAR»¹⁹. Не разберусь, что толкнуло меня на безрассудный поступок — войти в приемную высокопоставленного нациста. Но все обернулось сказкой. Вынув из кармана рецепт врача, я обратился к сидевшей за столом женщине. Она благосклонно выслушала меня и... напечатала ходатайство в Управление труда за своей подписью — референта гебитско-миссара. Больше я не хотел рисковать. На радостях позабыл про Маскалана, не отнес ходатайство по адресу, а вернулся в деревню Кейши. Хозяин мой Андрей Мукан по слогам прочитал бумажку и махнул рукой:

— Ладно, оставайся.

Тем временем из армии дезертировал сын Муканов Антон. Завидев немцев или полицейских, он с пистолетом и я заодно бежали прятаться на сеновал. А во второй половине июля уже доносились глухие отзвуки канонады. Поговаривали, что красные взяли городок Вишки километрах в двадцати от нас. Гул все нарастал, орудия бухали уже из соседнего леса. И вот однажды в поле показались два советских конных разведчика. Потом стало необыкновенно тихо. Ни немцев вокруг, ни русских. Деревня Кейши могла еще не раз переходить из рук в руки, но я, больше не в силах сдерживать себя, и объявляю хозяевам, что я еврей, что никакой я не Иван Островский, что я вовсе не из Брянска, а из Даугавпилса, и все такое прочее...

А 27 июля 1944 г. я стою на обочине дороги, по которой нестройно шагает колонна советских

пехотинцев, усталых, с заломленными пилотками, в пыльных, потрепанных гимнастерках. Они на войне. А я уже на свободе! Я вижу их своими глазами и не могу насмотреться. Но к чувствам, которые переполняют меня, совсем нехватаги примешивается то ли обида, то ли удивление. Многие солдаты, проходя мимо, покатываются со смеху:

— Ой, смотрите, жиденок! Мордух! Шмулик! Еврейчик!..

Таковыми были первые слова, услышанные мной из уст освободителей. Что я могу сказать? Так было. Из песни слов не выкинешь...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Впервые материал о судьбе автора в годы Второй мировой войны был опубликован: Рассказ Семы Шпунгина // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Светского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 356—359. Обстоятельства появления этой публикации автор изложил в настоящем сборнике (с. 119—133). — *Ред.*
- ² См. прим. 11 на с. 326.
- ³ Начальника полиции. — *Ред.*
- ⁴ Нем. *Judenrat* — еврейский совет. — *Ред.*
- ⁵ В этой связи приводим донесение начальника концентрационного лагеря в Даугавпилсе от 19 февраля 1942 г.: «19 февраля с.г. в еврейском лагере была задержана еврейка Хая Мейерова, 1893 г. рождения, которая обменяла кусок материи у какого-то рабочего-ремонтника концентрационного лагеря на муку, весом около 2 килограммов. В соответствии с распоряжением немецкой полиции безопасности еврейка Мейерова сегодня в 10 часов была расстреляна во дворе лагеря в присутствии остальных евреев лагеря. Рабочий, обменявший муку на материю, не обнаружен. При сем: мешочек с мукой» (Мы обвиняем: Док. и материалы. Рига, 1967. С. 184). — *Ред.*
- ⁶ От немецкого *kasernierung* — перевод на казарменное положение; в данном случае — поселение в доме-казарме (вид трудового лагеря у нацистов). — *Ред.*
- ⁷ Квартирмейстерская служба 322 (нем.) — *Ред.*
- ⁸ Нем. *Oberzahlmeister* — главный казначей. — *Ред.*
- ⁹ Нем. *Werkmeister* — мастер на заводе; здесь, по-видимому, в мастерской. — *Ред.*
- ¹⁰ Решение организовать партизанское и подпольное движение Сопrotивления на оккупированной нацистской Германией территории Латвии Государственный комитет обороны СССР принял еще 3 августа 1941 г. Трудности его организации, в отличие от ряда других оккупированных территорий СССР, были связаны с тем, что в результате стремительного продвижения германских войск на территории Латвии не были созданы соответствующие опорные пункты. Кроме того, в результате репрессивной политики сталинского режима в 1940—1941 гг. движение Сопrotивления в начале войны еще не имело здесь достаточной социальной базы. Весной 1942 г. около 700 человек, выходцев из Латвии, добровольно прошли специальную подготовку для действий в тылу противника. Впоследствии они составили ядро партизанского и подпольного движения в Латвии. Перелом в движении Сопrotивления в результате перемен в настроениях населения Латвии наметился лишь в конце 1942 — начале 1943 г. Причинами этого были поражения германских войск на Восточном фронте, крушение надежд на возвращение немцами всего национализированного советской властью имущества, трудовая и иные повинности, мобилизация мужчин в германскую армию (включая добровольных коллаборационистов, в общей сложности под ружье нацистами были поставлены до 150 тыс. латышей), принудительная отправка населения на работу в Германию (за время оккупации туда были вывезены до 23 тыс. жителей Латвии), наконец, террор гитлеровцев (от него погибли около 18 тыс. латышей, около 35 тыс. их побывали в заключении). Значительно-го размаха на территории Латвии партизанское движение достигло только в 1944 г. — *Ред.*

- ¹¹ Малина (*жарг.*) — воровской притон. — *Ред.*
- ¹² Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк, занимавший территорию между проспектом Виестура и железной дорогой, начал строиться летом 1943 г. после того как 21 июня рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто в Остланде (в оккупированной гитлеровской Германией Прибалтике и части Белоруссии) и переводе всех евреев в концентрационные лагеря. Лагерь был построен силами заключенных, привезенных из концлагеря Заксенхаузен (в 30 километрах севернее Берлина), — преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения. — *Ред.*
- ¹³ Нем. *Schein* — свидетельство, удостоверение. — *Ред.*
- ¹⁴ Стой (*нем.*). — *Ред.*
- ¹⁵ Капитан (*нем.*). — *Ред.*
- ¹⁶ Гестапо (*нем. Gestapo* — сокр. *Geheime Staatspolizei*) — государственная тайная полиция. — *Ред.*
- ¹⁷ СД (*нем. SD* — сокр. от *Sicherheitsdienst* — служба безопасности) — служба разведки и контрразведки СС. — *Ред.*
- ¹⁸ Старшина в эсэсовской иерархии. — *Ред.*
- ¹⁹ Гебитскомиссар (*нем.*) — руководитель области — административно-территориальной единицы, входившей в состав генерального округа (в данном случае оккупированной нацистами Латвии, которая, в свою очередь, входила в состав рейхскомиссариата Остланд). — *Ред.*